

ТАИНСТВО РОЖДЕНИЯ ЛЕТНЕГО ДНЯ

Осторожно, бережно открывает свежее летнее утро байкальские картины.

Справа, километрах в десяти от меня, мыс Толстый почти вертикально подпирает небеса своей сильной спиной. Над ним висит большая круглая бледнеющая луна. Немного выше угасающего ночного светила парят несколько крошечных невесомых облачков. Вершина Толстого уже встретила солнце и, окутанная праздничным флёром, радостно сверкает позолоченным гребнем. Слева, всего в километре, ангарский исток. Ангара занавешена туманом, невидима, неведома. Там, в её стороне, скоро совершится таинство рождения Нового дня. На другом берегу Байкала, над остроконечными горами Хамар-Дабана, которые отсюда кажутся крохотными, нежно горит розоватая младенческая дымка.

Глубокая чаша Байкала наполнена ласковой голубизной самых различных оттенков. А у берега вода тёмная, переливается оттенками старого золота, берегового песка. Берег ещё не освещён солнцем, но уже его видят мысы, блестя от него просыпающиеся в порту теплоходы. Горы быстро преобразуются, их бархатная зелень жадно впитывает желтизну солнца.

Радостно зачирикал, увидев утренний свет, воробышек. Приветствуя светило, показались чайки. Откуда-то возникая, летят они, ещё сероватые, и оглашают тишину сонными неуверенными обрывистыми звуками. Вдруг совсем рядом раздаются голоса диких гусей. Чайки, сразу проснувшись, стремительно их атакуют, прогоняют и, немного покричав, опускаются на воду. Пришёл их новый трудовой рыбацкий день.

В посёлке, вспомнив про свои сторожевые обязанности, залаял пёс. Рассвет зажёл розовым светом окна домов.

Открыло двери утро. Началась жизнь. Пошёл через ангарские воды паром, освещённый солнцем. В лазурных небесах, празднично сверкая, полетел самолёт.

Всё в просыпающейся природе Байкала великолепно: свежо, чудесно, уютно! Сонные волночки заплескались нежно и тихо. Слегка заколыхались от дыхания воздуха травы.

Последние минуты Солнце и Луна ещё делят чашу озера на две половины. Одна, уменьшающаяся, остаётся в предутренних красках, другая, стремительно увеличивающаяся, наполняется дневным ярким светом. Луна, почувствовав, что прихватила солнечное время, вместе с красивой лёгкою облачной свитой спускается за Толстый.

Исчезает Луна. Заканчивается двоевластие светил. С чистой байкальской воды, с небесной лазури начинается летний день, голубоглазый и ласковый.

ВЕНЕЦ ЛЕТА

Начало августа. Лето стоит прелестное. Всего вдоволь: и тепла, и прохлады. И не было сильной жары. И не было затяжных дождей. Шли они, будто по расписанию. Освежат, напоят природу и открывают небо. Выходит солнце, и все растения, от мала до велика, сверкают праздничной росой... Всё-таки, святое слово — мера...

Природа утолила голод после зимнего сна и, насытившись соками земли, напитавшись солнечными лучами, теперь сама дарит плоды, насыщает. И отдыхает, блаженствует, улыбается. Отяжелели кусты смородины и малины. Черничник усыпан крупными ягодами. Грибы молодцевато стоят на крепеньких ножках. Лапы кедров пригнулись от розово-лиловых шишек, висящих на ветках во множестве.

Созрело лесное лекарство, способное изгнать все хвори. Белеют соцветия тысячелистника. Яркими круглыми таблетками желтеют цветки пижмы. Густо растёт высокий чистотел. Во всю силу полыхают розовым огнём заросли стройного иванчая. Кое-где розовеют задумчивые головки клевера. Замечательная аптека, для всех и каждого, разноцветьем своим украшает сочно-зелёный травяной ковёр, в котором поют нехитрые песни и прыгают лёгкие, как воздух, невидимые среди стеблей кузнечики. Отдыхают на крупных цветках бабочки. Беззаботным кузнечикам и разноцветным бабочкам привольно жить в весёлых, надёжных травах.

Деревья свежи, раскидисты, здоровы. Глянцевые листья полностью отдаются игре с ветерком, по-детски купаются в голубом бескрайнем небесном море. Теплом дышат земля и небо. Замерли и смотрят на землю высокие облака сметанной белизны, взбитые до пышности неведомым небесным миксером. Им хочется сюда, ближе к земле, хочется укрыть своей белой заботой чудесные августовские леса, но им предначертан другой путь — небесный.

Пополнил свои воды Байкал и возлежит в полудрёме, глядя берег тихими сонными всплесками. Он, светло-голубой, ещё светлее неба, купает отражения облаков и даёт им возможность увидеть себя в водном зеркале. В нежной и чистой байкальской голубизне купается и солнце, широкой лентой растекается по воде его золото.

Камни на небольшой глубине заросли ярко-зелёными водорослями. На них лежат, поблёскивая, несколько монет, брошенных в воду туристами, верящими: кинешь деньги в Байкал — значит, побываешь здесь ещё раз, окунёшься в его хрустальную прохладу. А снова приехать на сибирское дивное озеро хочется всем, кто однажды здесь побывал.

Так хорошо зайти в воду, не торопясь, привыкая к прохладе, и не спеша поплыть, растворяясь в байкальском хрустале, поплыть через ласковый август. А затем ни о чём не думая, лежать на горячем жёлтом песке.

Тихо. Свежо. Тепло. Зелено. Чудесно. Венец лета. Отдых души. Природа подарила миру лето, принесла плоды и пребывает в состоянии расслабленности, умиротворения, удовлетворения, счастья. Так и человек бывает счастлив после хорошего завершения большого доброго дела. Ведь счастье — в отдыхе после окончания благих дел. Счастье — в плодах своего труда. Счастье — в красоте любимой земли.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ

Последний день неласкового сентября неожиданно порадовал летним теплом. Появляло настоящим бабьим летом, и захотелось насладиться чудесными его мгновениями. Иду вдоль байкальского берега за посёлок к крутым горам, возвышающимся над тихой полузаброшенной Кругобайкальской железной дорогой. Подхожу к скале, много претерпевшей и от местных жителей, и от путешественников со всего света, желающих увековечить на ней своё имя. Ступаю медленно и вдруг вижу, что из-под

ног в страхе выскакивают маленькие кузнечики, высоко прыгают в разные стороны и даже пытаются лететь. Обхожу стороной их поселение и поднимаюсь над обрывистой скалой по крутой тропе, на которой осень раскидала отжившие берёзовые листья и окрасила ими дорожку в жёлтый крупный горох. Извилистая линия тропки делит гору на две части. Одна часть повёрнута к Байкалу и уходит своими уступами в его глубины, а другая никогда не видела сибирское море, хоть и стоит от него совсем близко. Чтобы не сорваться вниз, держусь за корявые стволы и ветки низкорослого кустарника. Добираюсь до скального выступа, по форме напоминающего кресло и удобно усаживаюсь в это каменное мшистое тёплое сиденье, вылепленное руками самой природы.

В небольшие углубления монолитного камня-скалы, на котором я сижу, за долгие годы набилось немного землицы, дающей жизнь травинкам и чахлым кусточкам. В одной из таких выемок, устланной берёзовым листом, прилегла, как на мягкую постельку, рябиновая веточка. А рядом на хилом коротеньком согнувшемся стебельке цветёт ярко-розовая гвоздичка.

Хорошо быть сейчас одной, любоваться осенним великолепием, пить свежий воздух, дышать красотой. Чуть колышутся травы, замирают от теплыни. И наверху, и внизу — лесное разноцветье. Наверное, благодаря тому, что месяц был ненастным, холодным, листва ещё сохранилась во множестве, хотя лесные просторы всё же стали сквозными, а на некоторых горах уже стали видны большие проплешины. Байкал, окрашенный во все оттенки синего цвета, степенно катит волны и плещет хрусталём в берег. По его волнистой поверхности кое-где дрейфуют беспомощные листья.

На горе, где я нахожусь, вместе со мной, замерев, любитесь чудесными картинами и радуется солнечному деньку древесный и кустарниковый народ. Он малочисленный, так как сильная крутизна и ветры не дают семенам падать и закрепляться здесь во множестве. Зато часть горы, закрытая от байкальского взора, густо заросла деревьями. И за моей спиной — сплошной лес.

Слева от меня, всего в нескольких метрах, касаются друг друга ветвями берёзка и рябинка. Им от роду лет по десять. Рябинка стройна и будет со временем красавицей. А вот у берёзки ствол у основания перекручен, змеист, часть его расположена горизонтально, а дальше он, тонкий и стройный, устремляется ввысь. Каково этой берёзке придётся в жизни? Выдержит ли узловатый, ненадёжный ствол тяжёлое дерево? Долго ли проживёт берёза бок о бок с рябиной?..

А метров на десять ниже деревьев-детей смотрит в байкальскую воду берёза, широкая, многоствольная. И даже непонятно, это одна берёза или дружное единство белоногих весёлых сестёр, сросшихся у самой земли и словно сияющей ширмой прикрывающих от меня часть Байкала. Но солнце не удержать, не скрыть, оно мощным потоком прорывается сквозь ветви и листья. Солнечная дорожка, протянувшаяся через всё море, сияет, слепит глаза, а по бокам горят, стремительно плывут с волнами к берегу многочисленные солнечные звёзды. Одни гаснут — другие вспыхивают. И этому волшебству нет конца. Вода стала холодной и более чистой. Солнце подсвечивает камни, затопленные у берега. Это свечение тоже движется, течёт, словно речка. Качается на воде светлым поплавком одинокая чайка-рыбачка. Изредка деловито пролетают в густой синеве вороны.

Несколькими метрами правее от берёзы и ещё ниже к Байкалу, нависая над страшным обрывом, растут рядышком две сосны, в молодой своей поре, сплошь в зелёных шишках. Выпало им всю жизнь с высоты птичьего полёта, презрев опасность, смотреться в байкальское зеркало. Вцепились они намертво в скалистую землю и, довольствуясь небогатой пищей, растут на радость и себе, и другим.

Справа, метрах в двадцати от меня, живёт на маленькой скалке сосна-подросток. Между её зелёных лапок в синем оконце неба белеет луна, ставшая в эти минуты ещё одним дневным светилом, гораздо менее заметным, но прекрасным.

У самой тропинки, уводящей в скалистые поднебесные просторы, в хрустальной синеве неба широко раскинула ветви зрелая берёза. Почти до земли ниспадают её тоненькие нитевидные ветки в ярко-жёлтых листьях и золотых серьгах, чуть покачиваются от тёплого ветерка, глядят куст багульника, среди огненной расцветки которого (о чудо!) раскрылись весенние ярко-розовые цветки. На одном кусте сошлись в великой гармонии весна и осень, и хорошо им вместе, и нисколько не тесно. Бабье лето щедро на удивительное, и временами его можно назвать и бабьей весной: ведь стольким цветам даёт оно вторую жизнь. И всё-таки жаль запоздалые цветы, жаль слабенькую гвоздичку и цветки багульника: совсем скоро их живые огоньки погасит колючий снег...

Вдруг в моё уединение, резко вспугнув по-птичьи чуткую тишину, врывается чёрный паровоз. Пыхтя и гудя, окутывая всё вокруг белым паром, несётся он под моей горой по Кругобайкалке, таща за собой всего два вагона. Пар быстро добирается до меня и, укутав всё вокруг плотной завесой, устремляется выше. Но, стремительный и зыбкий, он быстро тает. И вскоре паровоз, изрядно уменьшившись в размерах, пыхтит уже под другой горой, лежащей передо мной как на ладони. И вскоре скрывается за ней. Улёгся пар, и снова стало тихо. На убыль идёт туристический сезон, а, значит, скоро опустеют берега озера, и станет Байкалу спокойнее, легче.

Небо с любовью смотрит на Байкал, на осенние горы, посылает им тепло лучей. Если бы не снежные остроконечные снежные пики Хамар-Дабана, напоминающие о скорой зиме, было бы непонятно, где кончается море и начинается небо...

Показалась стая птиц, совершающая тренировку перед перелётом в земли, где не бывает зимы. Кружат они над Байкалом тревожно. Нет ещё в стае того порядка, который так необходим птицам в нелёгком пути, но вот-вот такой порядок наступит.

Долго можно сидеть в каменном кресле, глядеть на байкальские красоты. И сколько ни гляди — всё будет мало. Особенно, когда знаешь, что через три дня это блаженное время закончится. Придёт ненастье. Леса опустеют, почернеют. И почувствуем мы первое морозное дыхание возвращающейся через полгода зимы. А пока вокруг — солнце, синева, тепло, сошедшая с неба благодать. И хочется вобрать её в сердце до последней капли.

ОСЕННИЕ ШТРИХИ

Ранняя осень любима многими. Какого только богатства красок и оттенков ни увидишь в осенние дни! А как же хороша она у нас на Байкале! Замирает душа от разноцветья деревьев, от богатых их одежд. Красные гроздья рябин, золотистые причёски берёз, сусальное золото дрожащих от ветерка осинок. Светлынь. Разноцветье. Густая синева моря. Хочется смотреть и смотреть на это великолепие. И вспоминаются известные каждому с детства стихи.

«Унылая пора! Очей очарованье»... «Унылая!» — и этим сказано многое. «Унылая», а не весёлая. Унылая, потому что прощальная.

Сажу перед синей-синей гладью Байкала под берёзой. Иногда падают оторвавшиеся от родной ветки листья. Тихо шуршит осенний листочный метроном. Осенняя красота — зыбкая, грустная. Прелесть прощального мига — скорбная прелесть. Если весна «утро года», то осень — её вечер, её закат. Время встречи и расставания с теплом всегда прекрасны, будь то рассвет или закат, весеннее пробуждение или осеннее прощание. Вечерние и утренние зори, весна и осень — самые вдохновенные произведения

природы, самые дорогие её подарки. Но на рассвете и весенней порой ощущаешь прилив новых сил, радость от того, что впереди целый день и ты творец своего счастливого дня. А за красками заката и осенним золотом — ночь, отдых, сон. И знобящая темнота. И «седой зимы угрозы».

Листья, всё лето укрывавшие нас зелёными пышными шатрами, горят разноцветьем, летят, ложатся нам под ноги. И, умирая, говорят: «Мы засыпаем. Мы опадаем. Мы красивы. Запомните нас.» «Люблю я пышно природы увяданье»... И всё-таки главное слово строки — «увяданье»...

У осени — колдовские чары. Приковывает взор, не отпускает эта благодатная и, несомненно, поэтическая пора. Чудесно красива светящаяся разноцветьем душа природы. Горят, умирая, солнцем и огнём деревья и травы, словно хотят продлить жизнь, хотят запасти тепло впрок, в зиму. Но его всё меньше и меньше. Огонь осенний — безжизненный: «Горит костёр рябины красной, но никого не может он согреть»...

Очень жаль уходящую красоту. Светло, удивительно прекрасно прощается природа, отходя ко сну. Засыпают леса и поля, улетают птицы. И на сердце печаль, какая-то высокая птичья грусть. Будто близкий человек уезжает далеко и надолго. А, может, и навсегда. Перед долгим расставанием всё становится дороже, значительнее. Проводы дорогого, светлого много значат и часто вызывают раздумья, становятся стихами.

Дрожат на ветерке высохшие листья рябин. Отпечаток осени — отпечаток старости, немощности. А старость в какие наряды ни ряди...

Некоторые цветы и кусты надумали цвести второй раз. Но цветение это не буйное, каким бывает весной, а одиночное, исключительное. Кое-где встречаются жёлтые одуванчики. По-весеннему розовеют среди осеннего костра багульник и шиповник. В некоторых палисадниках распускаются ветки сирени. Всё рядом: тепло и холод, юность и старость, красота и убогость, жизнь и смерть. Недолго цвести и радовать предзимний мир прекрасным смельчакам. А вот весны ждать долго. И не все её дождутся. Для кого-то тепло этого лета было последним.

Останется вскоре земля пустая, голая, сирая. Природе — спать, птицам и листьям — улетать. А нам — прожогать тепло, птиц, листья, мириться с короткими днями, словно от холодов сжимающимися, да привыкать к снегам и метелям...

Спи лёгким сном, любимая природа! До радостного весеннего пробуждения!

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОГОНЬ ОСЕНИ

Августовские короткие дожди, звонкие, как колокольчики, освежают землю после июльской жары и открывают двери Золотой Осени — величайшему художнику, способному нарисовать мозаичное полотно сказочной красоты величиной в половину Земли. На праздник осени берёзы надевают косынки и платья золотистого цвета, красные девицы, рябина и черёмуха, наряжаются в яркие одежды. Только колючие сосны и мягкие кедры остаются верны лету и бережно хранят свою зелень.

Долго природа готовилась к осенним дням. Практичные цветы за лето стали плодами и принесли лесу богатство. Это их вклад в природу, смысл жизни. А напитанные росой былинки и ветреники-листья прожили жизнь бедняками. Но они тоже неспроста постучались в земное оконце, а затем проклюнулись-проросли. Они, крохи, были земле необходимы так же, как и деревья-гиганты, подпирающие синие небеса крепкими макушками. Весна и лето были для малышей временем испытаний, лесной школой, которую проходит всё, что растёт. Закалили, научили жизни запоздалые, заблудившиеся во времени весенние метели, тяжёлый секущий град, летний зной и засуха, проливные дожди. Всю короткую жизнь листья и травинки копили, таили в себе до срока добро и красоту, чтобы вспыхнуть факелочками в прощальном фейерверке

сентябрьских лесов и стать частичкой огненной расцветки леса, негромкой ноткой осенней симфонии...

Пламя охватывает леса сначала осторожно, бережно, отдельными искорками и проблесками, потом всё уверенней и, наконец, зажигает всё и всех, от мала до велика. Поэтический огонь осени, от которого солнечно и в пасмурную погоду, зажигается на прощание. Так день, уходя от нас навсегда, дарит изумительные по красоте закатные краски, быстро меняющиеся, перетекающие друг в друга. В такие минуты мы понимаем, что от нас уходит что-то великое и мы его разглядели только сейчас. От такого прощания щемит сердце, как будто расстаёшься с кем-то очень родным и близким...

Горящие листочки, трепеща от восторга, чувствуют, как слабеет кровная связь с деревом, их породившим, становятся лёгкими на подъём и с птичьим удовольствием отдаются ветру, полёту и легко покидают этот мир...

Осеннее разноцветье потрясает, заставляет бесконечно смотреть на чудо красок и крылатый полёт листьев. Ненужными становятся слова, говорит только распахнувшаяся навстречу красоте душа. Много прекрасных стихов рождено этой порой.

Осеннее цветение трав и листьев — пора их благородной старости, итог их короткой жизни, их лебединая песня, их золотой юбилей.

ИЗ ОСЕНИ — В ЗИМУ, ИЗ ЗИМЫ — В ОСЕНЬ

В последних числах октября мне посчастливилось за два часа поездки перенестись сначала из осени в зиму, а затем вновь из зимы возвратиться в осень. Это запоминающееся путешествие совершила я на обычной рейсовой маршрутке, следующей из Иркутска в прибайкальский городок Слюдянку.

Выехала я в девять часов утра. Начиналось прохладное солнечное утро. Накануне в Иркутске шёл снег, но утром на обочинах улиц от него остались лишь намёки, а шоссе уже было совсем сухим.

Первые сорок минут дороги большого впечатления не оставили. Всё как обычно, ничего примечательного: ровная дорога, остатки снега, спешащие куда-то машины. А потом дорога стала петлять по горам, стремительно набирая высоту. Временами закладывало уши. И вдруг в одну минуту мы, пассажиры, попали в настоящую зиму. Навстречу с двух сторон плыл заснеженный лес, в основном еловый, величавый. (Большинство елей здесь могучие, высоченные. И только ближе к шоссе встречаются еловые подросточки и малые ребятишки.) Деревья стояли в глубоком снегу. Снег почти полностью закрыл длинные тёмно-зелёные ветви, своей тяжестью пригнул их к земле. С некоторых ветвей он срывался и падал, на лету рассыпаясь в мелкую блестящую пыль. Утреннее солнце освещало лес, пробиваясь сквозь его хвойно-снеговую густоту. И снежные платья елей, взрослых и детей, были нарядны и чисты, а те, которые попали под ласку солнечных лучей, ещё и сияли. Изумительная картина эта постоянно менялась. Казалось, машина стоит на месте, а лес течёт, плывёт, летит, стремясь показать взору свою волшебную красоту. Больше часа настоящей зимы, белейшего, солнечно-праздничного, ничем не запятнанного снега!

Вдруг среди обнажённых ветвей берёз далеко внизу мелькнули воды Байкала. Потом ещё раз. И вскоре показались снежные гольцы Хамар-Дабана, бессменные, надёжные часовые древнейшего озера-моря. Серебристо-белые вершины гор, среди которых были и острые, и пологие, поражали великолепием. Божественную белизну вершин оттеняли более низкие части гор, тёмно-синие, тусклые. Несмотря на то, что вершины возвышались над противоположной стороной озера, они казались совсем близкими, ведь мы подъезжали к южной оконечности Байкала. А она узка

и относительно мелка. Цепь гранитных гор является неизбежной границей, завершающей прекрасные байкальские владения.

Мы выезжали из зимы. За окном маршрутки становилось всё меньше и меньше снега. Вот дорога пошла под горку, и его не стало совсем. Тепло и ласково встретила нас солнечная осень. Расступились, остались позади деревья, и горы, несказанно красивые, подпирающие глубокие небеса, открылись полностью. Далеко внизу живым позолоченным полотном раскинулись синие байкальские воды. Байкал возлежал поцарски, могуче и вольно. В синюю глубину озера-моря до самой солнечной золотой дорожки врезался бурый Шаманский мыс, похожий на гигантского изогнувшегося доисторического ящера. И нельзя было оторвать глаз от Байкала, от мыса, от гор, от всей величественной, восхитительной, нерукотворной картины.

Машина наша спускалась по опасному серпантину. Она ехала медленно, осторожно, виляя по крутому открытому склону, поворачивая пассажиров то одним боком к байкальскому морю, то другим. Моя голова сама поворачивалась в сторону Байкала, который быстро приближался. Вот он уже плещется, играя, совсем рядом, на одной высоте с нами. Опасный путь остался позади. Маршрутка весело побежала вдоль берега по длинной улице посёлка Култук, первого русского поселения на юге Байкала. Слюдянка, которая делит с Култуком славный юг озера, уже была хорошо видна. Дорога отходила то дальше от синего, плещущего солнцем озера, то вновь приближалась к нему. Но Байкал приковал взор, и было радостно, что он отовсюду хорошо виден. И было жаль, что дорога подходит к концу...

НЕ УБИВАЙТЕ ДЕТЕЙ БАЙКАЛА!

Лето выдалось сухим и жарким. К середине июля вода стала такой тёплой, какой я у нас и не помню. В байкальском «бассейне» можно было купаться с утра до вечера. А какое блаженство после купания лежать на горячем песке! Кругом несказанная красота: синь воды, горячий песок, ласковые волны, цветущие травы, над которыми живыми цветками порхают бабочки. Высокое жаркое солнце клонит ко сну, прикрывает глаза. Откроешь их, и, кажется, что белые теплоходы, проплывающие вдали, сияющая листва деревьев, разноцветье трав, чайки, покачивающиеся на синей воде, — всё это только снится. Не верится, что такая благодать может быть наяву. И в эти блаженные минуты кажется, что весь мир наполнен добром. И каждой клеточкой чувствуешь: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» И верится в чудо.

Тёплым летом каждый день на Байкале можно было увидеть нескольких нерп, плавающих недалеко от купающихся людей. Они то ныряли в аквамашиновые глубины, сверкнув мокрой спиной, то всплывали. Их тёмные головки подолгу держались над водой, рассматривали байкальский надводный мир. Одна из нерп, по-видимому, была храбрее и любопытнее других. Её непреодолимо тянуло к человеческому общению. Она выбирала то одного, то другого пловца и сопровождала его, держась от него на некоторой дистанции. И провожала его, когда он возвращался. Затем плыла за кем-нибудь другим. И эта забава, похоже, доставляла ей большое удовольствие. И вот, проводив отлично плавающего парня, поплыла она под водой вдоль самого берега, всего в нескольких шагах от него, наверное, присматривалась к людям. Отдыхающие — в основном, туристы, многие из которых впервые видели нерпу так близко от себя — не удержались от восторженных возгласов. Ей бросали еду, ей махали руками, ею восхищались. И вот это очаровательное большеглазое дитя Байкала, к всеобщему огорчению, ушло в глубину. Наверное, крики испугали нерпу, и больше она не подплывала так близко.

За лето нерпы привыкли к людям и, похоже, скучали, когда закончился пляжный сезон. Они крутились возле берега до самой осени. Как-то приятельница сняла на видео нерп, купающихся в прибрежных древних валунах, высокие макушки которых темнеют над водой. Пока я любовалась кадрами, она сказала, что местный рыбак пригрозил убить нерп, так как они портят рыбу в его сетях. И стало тревожно за животных, привязавшихся к человеку, ставших такими доверчивыми.

Прискорбно, что нерпы ищут общения, а люди тем временем думают о промысловой добыче этих очаровательных эндемиков Байкала с глазами детей, с разумом, превосходящим разум дельфинов. Для человека природа прежде всего богатый дармовой источник доходов, и он, «царь», стремительно выкачивает её недра, использует ресурсы планеты на полную катушку, совершенно её не щадя. И ничего не даёт взамен. И хочет большего. Царствует человек по принципу старухи из известной сказки Пушкина. Вот только сила моря, даже такого могучего, как Байкал, не беспредельна. И скоро всё может закончиться «разбитым корытом» — глобальной земной катастрофой.

К сожалению, увеличилась тяга к развлечениям, зрелищам. И одно из таких развлечений — нездоровая страсть к охоте ради охоты. Сделать больно невинному существу, ранить или убить его и уйти удовлетворённым супергероем — ничего более печального не может быть. Точные слова нашёл Виктор Гюго: «Ночь не так черна, как человек»...

К самой страшной, кровавой, гнусной охоте можно отнести охоту с вертолёта на диких животных (когда им никуда не деться от пули) и охоту на нерп. В нерп стреляют из ружей, одних убивают наповал, другие, раненые, уплывают в муках умирать в байкальские глубины. Ловят бедных животных и сетями, запутавшись в которых, они, обречённые на смерть, не имеют возможности всплыть на поверхность и подышать и также умирают в страшных мучениях. Забивают символ Байкала и палками по голове: и взрослых, и малышей. Жуткая картина. Кто ты, охотник, как назвать тебя, если убиваешь детёныша, который от страха прижимается к тебе, ищет у тебя защиты, как у матери? Вот как сказал Евгений Евтушенко в «Балладе о нерпах» об убийстве обаятельных животных:

*Нерпы, нерпы, мы вас любим,
но дубинами вас лупим,
ибо требует страна.
По глазам вас хлещем люто,
потому что вы — валюта,
а валюта нам нужна.*

*Нерпы плачут, нерпы плачут
и детей под брюхо прячут,
но жалеть нам их нельзя.
Вновь дубинами мы свищем.
Прилипают к сапожищам
нерп кричащие глаза.*

Теперь нерпы не валюта. Убивать их незачем. Их мясо малоприспособлено для еды. Пропал спрос на мех и на жир, ранее бывшие в цене. Тогда зачем же их добывать, тем более промышленным способом? Единственный смысл убийства: забава для некоторых туристов, жаждущих пролить кровь. Только не пора ли оставить нерпу в покое?

Натерпелась она. А вместо расправы с беззащитными детьми Байкала надо бы прекратить продавать берег под турбазы (тем более китайцам), заняться сохранением чистой воды и вообще подумать, как помочь больному озеру, которое страдает по вине человека. Но нет. Директор Байкальского филиала «Госрыбцентра» Владимир Петерфельд двумя руками за добычу нерпы. Он заявил: «А кто сказал, что люди против промышленной добычи нерпы? В некоторые годы добывали даже до 10 тысяч голов, лично я в этом ничего плохого не вижу. Испокон веков на Байкале нерпу добывали... Другое дело — куда девать продукты добычи?..» И тут же предложил развивать сувенирное дело. То есть, дабы куда сгодились шкуры тысяч нерп. Только на сувениры такое количество шкур не понадобится.

Получается, будем добывать, не зная, куда деть. Убьём, а потом будем искать применение. Игрушка из множества нерп. Десятки тысяч жестоко загубленных жизнью. Почему, по какому праву мы ими играем? И почему нерпами занимается «Госрыбцентр»? Нерпа не рыба, так же, как человек не обезьяна. И как было бы хорошо, если бы директором «Госрыбцентра» был человек, более гуманный, умеющий сострадать, чувствующий ответственность за свои действия в природе.

Почему считается, что не обойтись без уничтожения нерп? Кто за это ратует?

Нерпу не любят рыбаки. Говорят, она поедает омуль. Но нерпа не может есть омуль: зубов у неё нет, а рыба слишком большая, чтобы она могла её проглотить. Так что и здесь нерпа чиста перед людьми, человечество она не объедает. А вот сети расставлены по всему побережью, и в них кроме рыбы нередко попадают и нерпы.

Есть учёные, считающие, что нерп развелось много и надо истребить какую-то часть для их же блага. Иначе они вымрут во множестве от инфекции. То есть надо убивать одних ради жизни других. Убивать, потому что любим животных и желаем им добра. Странная любовь!

А если человек сам боится пострадать от инфекции, то ему надо не губить ядами планету, и тогда не нужно будет бояться заразиться. Вот как сказал об этом в книге «Сибирь, Сибирь...» Валентин Распутин: «В последнее время известия о массовой гибели нерпы шли с разных концов Байкала... Учёные торопливо объяснили: инфекция. Но и инфекция с неба не берётся, для неё нужны благоприятные, а для нерпы неблагоприятные условия, которые способствуют болезни. Спасаясь от неё, нерпа выползает на берег, ищет защиты у человека, кричит и в конце концов застывает».

Уверена, нет ни одного учёного на земле, кто мог бы с точностью сказать, сколько нерп на Байкале. Ведь требуются большие средства и большие усилия, чтобы посчитать животных. Непонятно, зачем регулировать численность, которая неизвестна? И почему такими жестокими мерами? Да и природа в состоянии отрегулировать численность сама. У неё для этого механизмов достаточно. Можно подумать, миллионы лет нерпы ждали, когда, наконец, появится на земле их младший братец, человек разумный, отрегулирует их численность и наведёт порядок в озере с хрустальной водой, с богатейшим растительным миром, со множеством эндемичных животных. И не появившись он, «регулирующий» планетарного масштаба, уже не было бы и нерп, и самого озера-моря. Только всё наоборот. Много дров наломал человек в природе, ранил её, как зверя, и почти не оставил путей к спасению.

Нет, наверное, в России никого, кто не слышал бы о нерпе. Она героиня художественных и публицистических произведений, картин, она неотъемлемая часть Байкала. Вот что по этому поводу говорит Борис Дицевич, старший научный сотрудник учебно-методического центра «Сибирь» Иркутского государственного аграрного университета: «Образ нерпы сильно мифологизировали. Да, это один из символов озера, хотя соболя ведь тоже считают символом тайги, но используют же, и он

приносит пользу. Мы, учёные, не призываем уничтожать нерпу и уж тем более не хотим подталкивать людей к браконьерству, но выступаем за рациональное и умеренное использование диких животных. Также я считаю, что фотоохота на нерпу или даже её туристический отлов могли бы помочь развитию зимнего туризма на Байкале.

Да, неслестно сказал о нерпе Борис Николаевич. А последние строки заставляют похолодеть, так как они развязывают руки браконьерам и потрошителям. Если разрешат «туристический отлов», и станут в порядке вещей ужасные убийства животных, подобные тому, о котором несколько лет назад рассказало Иркутское телевидение. Коротко скажу о сути злодеяния, в большой надежде, что такого больше никогда на Байкале не повторится.

Инспектор Байкало-Ленского заповедника(!) и его приятель убивали нерп и снимали преступление на камеру, и это видео несколько лет назад было показано по иркутскому телевидению и давно выложено в сети. На видео потрошители показывают туристам, как нужно выделывать шкуры и топить жир. Они грубо вытаскивают раненых нерп из сетей, не испытывая к своим жертвам никакого сострадания, беспокоясь только о сохранности снастей. Они убивают животных, не щадя ни беременных самок, ни детёнышей. Разделяют их на глазах у животных, которых ждёт та же участь. Кровь льётся рекой. Вдруг нелюди замечают на льду соболя и пытаются догнать его на джипе. Но зверьку посчастливилось спастись. И весь этот ужас происходит на охраняемом, заповедном лежбище нерп!

Видео шокировало телезрителей. Инспектор, «заступник природы», сам её варварски губит! А когда преступлением заинтересовалась прокуратура, горе-инспектор попытался оправдать злодеяния своим маленьким заработком.

Инспектора-браконьера уволили. Когда было возбуждено уголовное дело, он скрылся. Что стало с ним дальше, мне неизвестно. Горько оттого, что «чёрное», изуверски-жестокое дело сделано. Для чего? Ради какой острой нужды? Позабавить богатых туристов и содрать с них желанные деньги?

К счастью, далеко не все туристы и жители байкальских берегов жаждут крови нерп. Многим радостно видеть нерпу даже издали, живую и невредимую. Валентин Распутин в очерке «Байкал, Байкал» рассказывает о прогулке с московским товарищем по байкальскому берегу, о том, как переполненный впечатлениями гость устал удивляться и восхищаться байкальскими красотами. «Помню, его доконала в тот день нерпа. Она редко подплывает близко к берегу, а тут, как по заказу, нежилась на воде совсем недалеко, и, когда я, заметив, показал на неё, у товарища вырвался громкий и дикий вскрик, и он вдруг принялся подсвистывать и подманывать, словно собачонку, нерпу руками. Она, разумеется, тотчас ушла под воду, а товарищ мой в последнем изумлении от нерпы и от себя опять умолк, и на этот раз надолго».

Узнавая людей, видишь, насколько они разные и насколько различно людское отношение к Байкалу и его обитателям. Но каким бы оно ни было, добрым или чересчур рациональным, каждый знает, что Байкал у нас один. Природа долго трудилась, создавая это волшебство. И всё просчитала, и дала озеру-море бессмертие. В уникальном море живут уникальные обитатели, из которых самым известным, самым обаятельным, самым умным, самым любимым была и остаётся нерпа. И останется на долгие века, если мы, люди, её не погубим.

БАЙКАЛЬСКИЕ КАМНИ

Десятки миллионов лет живёт Байкал. Трудно себе представить такой солидный возраст озера. И недаром называют его морем: ведь озёра столько не живут! Для человека жизнь Байкала — временная бесконечность. Мне, выросшей на берегах славного

нестареющего озера-моря, невозможно поверить, что его когда-то могло не быть. Кажется, всегда сияла солнцем синь его глубоких вод, то удивительно-спокойных, застывших, то слегка взволнованных, а то клокочущих и неукротимых, бьющих в берег тугой пенной волной.

И всё-таки было оно, безмерно давнее время, когда Байкал зародился. Он долго обустроивался, создавал себе удобное, глубокое ложе, рос вширь и вдаль, украшал берега. Байкал — живой, одухотворённый, гениальный художник. И одно из чудесных его творений — береговые камни. Стареющие горы (а древнейшим геологическим породам у истока Ангары и вдоль Кругобайкалки более 3 миллиардов лет!), сложенные из гранита, мрамора, слюды, кварца, апатитов и других горных пород, разрушаются, осыпаются в море, а оно без устали моет, ласково обкатывает, округляет обломки скал, напитывает своей красотой и любовью. И каждый камень, пройдя долгую обработку в байкальской «мастерской», становится удивительно прекрасным. Кажется, что в нём навеки застыл шум волн, оставили след давно минувшие эпохи и тихонько звучит волшебная песня Байкала.

Очень живописны, монументальны у берегов большие камни. Море ласкает их, дочиста моет, осыпает серебряным горошком брызг. Подводная часть их, поросшая водорослями, служит надёжным просторным домом юрким большеголовым бычкам. А наверху, на сухой части, любят птицы отдыхать от постоянных забот. На некоторых можно и человеку посидеть, поразмышлять, полюбоваться морскими пейзажами.

Мелкие и средние береговые камешки летом нежатся на песке, набираются солнца и бывают так горячи, что обжигают руку. Приятно, освежившись в студёной водичке, полежать на них, щедро отдающих своё тепло. А в морозы они покрываются ледяной коркой. Сначала ледовая глазурь совсем тонкая, но ей удаётся сцепить камни, словно цементом. Под прозрачной скользкой корочкой они становятся на вид влажными и более яркими. Морозы крепчают, корка становится толще, и одевает камни в ледовые шапочки. Чуть позже лёд нарастает ровной линией и прячет берега до весны...

В тёплое время люблю, сидя у воды, поднести к глазам камешки, среди которых нет двух одинаковых, так же, как нет двух одинаковых людей. Люблю рассматривать их подолгу. Они такие разные! Большие, средние и маленькие. Плоские, круглые и неровные. Голубоватые, красноватые, сероватые, тёмные, светлые. Белые с оранжевым крапом. Светлые с зеленовато-коричневыми прожилками. Тёмные в светлую крапинку. Серые в жёлтую полоску. Белые в частых веснушках. Встречала округлые с вдавленными бороздками, похожие на домик улитки. Повидала немало круглых, с многочисленными ямками, похожих на маленькие планетки, испещрённые метеоритами. И почти в каждом — слюдяной звёздный блеск. В одних блеска меньше, другие сверкают на солнце. А некоторые, полупрозрачные, пропускают солнечный свет. Хорошо им здесь, у Байкала. Прижились, притёрлись друг к другу, привыкли к шуму прибоя.

Когда-то на берегах было настоящее каменное разнообразие по цвету, форме, размеру, яркости, блеску. Настоящая ярмарка драгоценностей. Почему было? — спросит читатель. Куда могли подеваться камни? Да, сами они не исчезают. Их во множестве уносят люди. Камни покрупнее хороши для строительства. Мелкие камни берут на сувениры или бросают в воду, тренируясь в дальности броска и в меткости. Бывает, и продают. Рисуют на камешке какую-нибудь картинку: нерпу, байкальский пейзаж или контур Байкала — и готово «произведение искусства»! Сколько камней разъехалось по всему свету — не счесть! Остаётся их на берегу всё меньше и меньше. И это ещё не самая большая беда. Изменились до неузнаваемости сами берега. На немалой части их стоят турбазы, пристани, гаражи и другие строения. Разве могут тут сохраниться камни!

Думаю, и сам Байкал не узнаёт окружающие его земли и пребывает от новшеств в печали.

Есть и мой грех по отношению к искусству Байкала. Помню свою давнюю поездку в бухту Песчаную в школьные годы. Вспоминается, как была очарована я плоскими камешками, лежащими среди бархатного песка, который устелил там все, от берега до высоких гор. Они были обкатанными без единой погрешности. Они были тёплыми, как лучи, нежными, как шёлк. Их не хотелось выпускать из рук. И я не удержалась, набрала больше десятка камней и привезла домой. Хранились они у меня в книжном шкафу в коробочке из-под конфет. Я их изредка перекладывала, когда помещала в шкаф новые книги. Книги прибывали, им становилось тесно, и я унесла камни на берег Байкала и пустила блинчиками по водной глади. И упрыгали резвыми лягушатами мои камешки вдаль и опустились на дно на большой глубине, откуда их уже никому не достать. И только спустя много лет пришло осознание: если лежит камень на берегу Байкала с доисторических времён, то и трогать его нельзя. И как же можно нам, людям, его брать, если лежал он на святом озере несметное количество лет, положенный не нами, а самим Байкалом?! А морю отдали его горы, которые тоже являются неотъемлемой частью студёного моря. Камни — для всех. И забирать их нельзя. Ни для каких целей: ни для строительства, ни на забаву, ни для подарка. Байкальский берег свят. Здесь нет ничего лишнего, и всё слилось в гармонии воды, земли и неба.

Похожи на камешки искусно отполированные Байкалом разноцветные стёкла. Удивляет, что такое гладкое чудо изготовлено морем из острых бутылочных осколков, вдребезги разбитых нерадивой рукой. С трудом верится, что стёклышки, которыми не устаёт любоваться глаз и к которым приятно прикоснуться руке, когда-то были острее ножа, и ими легко можно было порезаться. А теперь из этого разноцветья можно сложить на песке дивную мозаику. Сколько за нами мусора убирает природа, сколько наших ошибок исправляет! И не устаёт она, рачительная хозяйка, давать вторую жизнь отжившему, собирать из кусочков нечто на удивление прекрасное.

Способность вдохновенно создавать выделяет человека из живой природы. И сам процесс творчества мы взяли у неё, наблюдая за ней внимательным глазом. Природа творящая. Она сотворила множество диковин. В ней всё неповторимо и гармонично. И нам дано любоваться её произведениями. И надо беречь их, не допускать варварства. Так пусть живёт и процветает природа наша, никем не ущемлённая, пусть радуется красоте Байкал — лучший из лучших её детей, пусть нежатся на песке и греют спинки на солнышке камни — творения древнейших байкальских гор и славного моря!

